

Лев Гордон

«ЗОЛОТАЯ» КОЛЫМА

герои ненашего времени

Санкт-Петербург АЛЕТЕЙЯ 2010

УДК 947.085
ББК 63.3(2)63
Г68

Гордон Л. А.
Г68 «Золотая» Колыма: Герои не нашего времени / Л. А. Гордон. —
СПб. : Алетейя, 2010. — 208 с., 16 ил.
ISBN 978-5-91419-378-9

В книге собраны очерки о людях ушедшей советской эпохи. В ней содержатся ценные материалы по истории освоения бассейна Колымы (Первая Колымская экспедиция, Дальстрой, строительство Колымской и Усть-Среднеканской ГЭС).

УДК 947.085
ББК 63.3(2)63

ISBN 978-5-91419-378-9



© Л. А. Гордон, 2010
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2010
© «Алетейя. Историческая книга», 2010

МНОГОЛИКАЯ ПРАВДА

Тот, кто думает о смерти, наполовину мертв. Эту фразу Захар Ильич прочитал в «Колымских рассказах» Варлама Шаламова. Шаламов приписывал мысль Шопенгауэру. Захар Ильич прочитал и не согласился.

Стоял дождливый ноябрь 2006 года. Захару Ильичу было 68 лет. И он часто думал о смерти. «Зажились мы с тобой, Захер», — говорил ему по телефону старинный приятель. «И-то правда, Исаич, — отвечал Захар Ильич, — никак не меньше 10 лет коптим небо сверх лимита». В те годы средняя продолжительность жизни мужчины в России по разным данным составляла от 51 до 59 лет. Захару Ильичу было 68, а его старинному, еще со студенческих лет, приятелю, тезке Солженицына, Александру Исаевичу Либерзону, 69. Именно мысль о смерти заставляла Захара Ильича делать по утрам зарядку. Каждое лето он ездил с женой куда-нибудь далеко на самолете, поезде, на автобусе повидать мир: «Много ли нам осталось. Пока силы есть, надо съездить».

Захар Ильич Горин был по российским меркам благополучным стариканом: жил с женой в Питере на Выборгской стороне в благоустроенной квартире. Жил не на пенсию, еще работал в отраслевом НИИ. Работа эта уму и сердцу давала не так уж много. Но заставляла двигаться, что-то делать, отодвигала от признания того, что жизнь закончена.

Именно мысль о смерти подтолкнула Горина заключить долгосрочный (на 5 лет) договор на работу по Усть-Среднеканской ГЭС, второй ГЭС на Колыме. В силу своей профессии Горин немало поездил по стране. Но на Колыме не был. Последние полтора года Горин по делам службы ездил поменьше и поближе, не дальше Кольского полуострова. Жалел ногу. Полтора года назад прихватил его радикулит. Месяц лежал, потом ходил с палочкой. Лечился и у официальной медицины, и у мануальщиков, и даже у турецкого банщика. Постепенно пошел на поправку: поясница прошла, но левая нога от пятки до колена все еще оставалась чужой. Продолжал лечиться и поныне. Вроде бы слегка помогало. Тут и подвернулся договор с «Колымаэнерго». «Пока силы

есть, надо съездить, дохромаю как-нибудь», — решил Горин. Ехать в те края было не просто. Сначала самолетом до Магадана (от Питера примерно 8 тысяч километров), потом 500 км по Колымскому тракту на автомобиле до Колымской ГЭС (Синегорья), а потом 150 км на вездеходе к Усть-Среднекану.

Мысль о строительстве Усть-Среднеканской ГЭС зародилась в начале 30-х годов XX века на заре освоения Колымского края. Начали строить спустя полвека. Начали строить, потом бросили. Почему-то то время, когда страна прекратила всяческое строительство, именовалось Перестройкой. Казалось, что в те годы страна взяла в качестве руководства к действию лозунг из одного романа: «Наша цель — Демонтаж». Демонтаж успешно завершился. И вот решили достроить Усть-Среднеканскую ГЭС. В недостроенных сооружениях ГЭС было установлено более 800 приборов, призванных контролировать состояние сооружений. Замеры делались, но данных измерений никто все эти годы не анализировал. По условиям договора Захар Ильич должен был создать что-то вроде компьютерной базы данных натуральных наблюдений и выполнить анализ данных измерений. В Питере Горин встретился с приезжавшим туда по делам главным инженером «Колымаэнерго» Марыкиным. Марыкин сказал, что у них скопилось четыре больших картонных коробки с данными измерений. «Как вернусь, все четыре коробки вышлю Вам. Начинайте разбираться. Приезжайте к нам в конце мая — начале июня, когда сойдет снег». Со дня на день Горин ждал прибытия нужных материалов, чтобы начать работу.

Предстоящая поездка могла стать интересной. Ведь с Усть-Среднекана начиналась легендарная Колыма. Но к поездке надо было подготовиться. Подобрать нужный настрой. Вот тут Захар Ильич и взял в руки книги Шаламова. Места, которые он собирался посетить, прославил на весь мир большой русский писатель и поэт Варлам Тихонович Шаламов. Четырнадцать лет (1937–1951 гг.) он отбыл на самом большом и страшном острове архипелага ГУЛАГ — на Колыме. А, освободившись, написал за 19 лет (1954–1973 г.) шесть сборников стихов и шесть сборников рассказов о Колыме. Горин не первый раз брал в руки рассказы Шаламова, ибо, как верно заметил Виктор Некрасов, «Шаламов, конечно же, писатель великий... Шаламова надо перечитывать. Твердить, как некую молитву» («Всемирное слово», 1992, № 3, с. 81). Сам Шаламов в очерке «О моей прозе» написал: *«Каждый мой рассказ — это абсолютная достоверность. Это достоверность документа».*

Захар Ильич был строителем гидростанций. Многие его знакомые, друзья, коллеги имели отношение к строительству электростанций на Колыме. Некоторые из них написали об этом строительстве. Наряду с рассказами Шаламова решил Горин перечитать то, что о Колыме писали его коллеги. Авторы этих книг не столь известны, как В. Шаламов. Но в своем кругу люди заметные:

- Иван Иванович Лукин — заслуженный строитель России, на Колыме с 1933 года, прошел путь от рядового инженера до заместителя начальника Дальстроя;
- Юрий Иосифович Фриштер — начальник строительства Колымской ГЭС с 1969 по 1989 гг., тоже заслуженный строитель, орденосец;
- Александр Алексеевич Серов — первый главный инженер строительства Колымской ГЭС с 1970 по 1984г, медаль «За трудовое отличие» (1967 г.), орден «Знак почета» (1976 г.), орден Трудового Красного Знамени (1981 г.);
- Олег Алексеевич Когодовский — на Колыме с 1971 года, преемник Серова, главный инженер строительства Колымской ГЭС с 1984 по 1997 гг., в Синегорье есть памятник Олегу и улица Когодовского;
- Владимир Алексеевич Пехтин — на Колыме с 1974 г., с 1992 по 1997 гг. — Генеральный директор АО Колымаэнерго, в 1998г ушел в политику, депутат Государственной Думы с 1999г, лидер крупнейшей фракции в Думе с 2001 г. Естественно, награжден. Заслуженный строитель, и почетный энергетик России.

Олега Когодовского и Александра Алексеевича Серова Захар Ильич знал лично. В их честности и порядочности не сомневался. Вслед за Шаламовым эти люди могли с чистой совестью сказать: «Каждый мой рассказ — это абсолютная правда. Это достоверность документа». Но при всем при том, правды Шаламова-Жженова и правды Лукина-Когодовского почти не пересекались, а местами и расходились в оценках тех же людей и событий. Конечно, Колыма Шаламова 1938–1952 годов, и комсомольцы-добровольцы Лукина и Когодовского образца 1971–1997 года разнесены во времени. Но есть и мостики между ними: старик Лукин оказался на Колыме на 5 лет раньше Шаламова. По сию пору стоят вдоль Колымского тракта заброшенные лагеря, золотые прииски и угольные шахты, где умирали от холода и голода обитатели архипелага ГУЛАГ, и Олег Когодовский не раз проезжал мимо них. Поэт Шаламов выжил и рассказал, кое-что рассказал актер Жженов. А у Лукина об этом ни слова. Нет ГУЛАГА и в романе Олега Куваева «Территория». Есть Река (Колыма), есть Город (Магадан), есть Северстрой (Дальстрой), четко определено

время — 1952–1953 гг. (1953 год — закат Дальстроя и образование Магаданской области), есть герои-геологи, а зеков нет.

Разные факты и разные документы приводят люди, жившие на Колыме по разные стороны колючей проволоки. И это естественно. Ведь Иван Иванович Лукин в 1935–1938 годах разрабатывал проекты промывочных приборов для приисков «Золотистый», «Разведчик», «Пятилетка», а Варлам Тихонович Шаламов мыл золото с помощью этих приборов.

Лишь в эпилоге книги «На порогах Колымы» Захар Ильич нашел слабую попытку соединить разорванную связь времен:

Колыма была освоена и обжита трудом десятков тысяч людей, приехавших не по доброй воле, а по принуждению. Затем наступило другое время, время потепления. Поэт Владимир Высоцкий написал так:

Мой друг уехал в Магадан.
Снимите шляпу! Снимите шляпу!
Уехал сам, уехал сам —
Не по этапу, не по этапу.

Новые поколения людей продолжили работу предыдущих на добровольной основе и многое сделали для развития сурового Северного края.

Есть два диаметрально противоположных представления о рае. Писатель Х. Л. Борхес представлял рай в виде огромной библиотеки. Современная, наиболее распространенная разновидность чело- века гомо маркетинг (определение введено Э. Фроммом) представляет рай в виде огромного супермаркета, где он, гомо маркетинг, бесконечно бродит по раю с толстым бумажником вплоть до конца света. «Мне грустно от ошибок истории. Раньше мир захватывали чингисханы, тамерланы, македонские. Теперь его плотно и неумолимо захватывают покупатели», — сокрушался герой романа О. Куваева «Территория» Гурин. Гурин вполне солидарен с Гуриным. До 17 часов гомо маркетинг — пользователь дырокола, скоросшивателя, персонального компьютера, мобильного телефона, от 17-ти до 19-ти, а также по выходным дням он покупатель в супермаркете, а вечером — телезритель. Пользователь-покупатель-телезритель. Это современно. Это по-нашему. Гурин отдавал себе отчет в том, что безнадежно отстал от века. По части купли-продажи он был убежденным берклианцем. Епископ Беркли, отец субъективного идеализма

(вижу предмет — он существует, отвернулся — предмета нету), изобретатель философской мази, лечившей от всех болезней, дал всем покупателям дельный совет: «Никогда ничего не покупайте по совету продавца». В этом пункте Горин был убежденным берклианцем. Ему был ближе устаревший рай Борхеса. В силу сложившихся обстоятельств большую часть жизни Захар Ильич только и делал, что читал и писал. Писал конспекты и читал учебники, когда учился, писал отчеты и статьи, когда работал. Читать и писать ему нравилось много больше, чем смотреть телевизор. Телевизор он отвергал как убежденный берклианец. Продавец дает советы покупателю через телерекламу. За счет этой рекламы и существует это самое телевидение. У профессионалов-телевизионщиков есть два термина: contents — содержание, и fill — наполнение. При этом contents — реклама, а сериалы, танцы на льду и на паркете, Киркоров с Пугачевой — fill. Ничего хорошего от учреждения, живущего за счет советов продавцов покупателям, Горин не ожидал. «Вот поеду, попробую написать и о косомольцах — добровольцах и об узниках Дальстроя. Надо же чем-то занять себя на старости лет», — решил Захар Ильич.

Писателем себя Захар Ильич не считал. Больше всего к тому, что ему нравилось, подходило несколько вульгарное сложное русско-немецкое слово «драчмейстер». Он любил «передирать» из разных «источников», конспектировать. И по мере продвижения «расследования», как в детективном романе, начинала прорисовываться картина того, о чем читал. Драчмейстер не пользуется воображением. Виртуальные миры его не очень занимают, занимает его актуальный мир, желание докопаться до правды этого мира.

В английском языке слово «true» — правда — не имеет множественного числа. Возможно, в Англии правда одна. Но не в России. *«Мы понимали, что правда и ложь — родные сестры, что на свете тысячи правд»*, — писал Шаламов в рассказе «Сухим пайком». Правд много, а истина одна. Правда страдает от искажения, а истина от искажения не страдает. Галилей знал истину: земля вращается вокруг солнца. И отрекся от нее. Истина от этого не пострадала. А Галилей избежал сурового наказания.

Можно ли из мозаики многих правд составить образ истины? Математическая статистика говорит, что можно. Если из генеральной совокупности всех правд взять достаточно полную, представительную «выборку», то «прорежется истина». К примеру, пусть нам хочется установить такую простую истину как «чему равен рост мужчин в Европе». Если провести одно испытание (замер) в Греции, то

можно получить ответ — метр семьдесят. Это одна правда. Если провести испытание в Голландии, то можно получить ответ — метр девяносто. Другая правда. «Расстояние» между правдами — двадцать сантиметров. А если провести тысячу замеров и в десяти разных странах Европы, затем сложить все замеры и разделить на тысячу, то получится ответ, скажем, метр семьдесят семь. И если при дальнейшем увеличении числа замеров ответ будет метр семьдесят семь плюс-минус пять миллиметров, то мы приблизились к истине. Истина — метр семьдесят семь с точностью до 5 миллиметров, хотя, быть может, это не совпадет ни с одной из правд: среди испытуемых могло не быть ни одного мужчины ростом метр семьдесят семь. Теория вероятности и математическая статистика учит, что пяти правд (мнений пяти людей, даже таких уважаемых как В. Шаламов) недостаточно для установления истины. Нужно мнение многих и разных случайно выбранных индивидов.

Возможно, не все согласятся с принятым здесь соотношением между правдой и истиной. Телевизор учит, что «правду знают все, и у каждого она своя, а истину не знает никто». Во всяком случае, именно так начинает и кончает популярное ток-шоу одна известная телеведущая. Горин с такой трактовкой категорически не согласен. Если бы не было хотя бы простых истин, то вряд ли существовал тот же телевизор.

Заметим, что приближение к истине, исходя из принципа «народ всегда прав», вызывает возражения у многих профи: если во времена Галилея устроили бы опрос-референдум, то вряд ли набрался бы десяток голосов за то, что земля вращается вокруг Солнца, абсолютное большинство человечества проголосовало бы за модель Птолемея.

Приняв решение писать, Горин позвонил как-то вечером Исаичу:

— Решил я, Исаич, написать что-нибудь про Колыму, так сказать, «достать чернил и плакать». Хочу позвать тебя в соавторы, — сказал Захар Ильич.

— С какой это стати? — удивился Либерзон — Ты ведь там ни разу не был. Да и я тоже.

— Ну, во-первых, Жюль Верн тоже никогда не был в Патагонии, а описал ее. А во-вторых, надо же чем-то «заполнить вакуум», все лучше, чем играть с компьютером в шахматы или в покер, как это делаешь ты. А в-третьих, я туда собираюсь.

— Дуракам закон не писан. Счастливого пути, — ответил Исаич.

Жаль, что не удалось склонить Либерзона. Исаич был опытным строителем. Строил гидростанции на южном берегу Баренцова моря — Иова, Кума, Серебрянки, Териберки. В начале 60-х в Зареченске на

строительстве Иовской и Кумской ГЭС еще сохранялась зона, и Исаич имел опыт работы с этим контингентом.

Положив трубку, Захар Ильич задумался. Его стали обуревать сомнения.

Десять лет назад Олег Когодовский подарил Горину свою книгу «Гидроэнергетика Крайнего Северо-Востока» с такой ироничной надписью: «Коллеге в квадрате, миновавшему Колыму, но знающему о ней все». И Исаич туда же. И жена Олега Когодовского Зина тоже про это. Имеет ли моральное право он, Горин Захар Ильич, «человек со стороны, случайный прохожий», писать о Колыме не будучи участником-очевидцем?

С другой стороны, столь уж достоверны свидетельства одного или даже трех очевидцев? Взять, к примеру, историю с «Иркутской историей», рассказанную миру Прохожим (А. Арбузовым). Пьеса А. Арбузова обошла весь мир. Ее ставили и в Японии, и в Нидерландах, и в Бразилии. После постановки пьесы во Франции, в Страсбурге, газеты писали: «Весь Страсбург живет сейчас по сибирскому времени». В Советском Союзе пьеса шла в половине театров страны. Горин помнил товстоноговскую постановку «Иркутской истории» в БДТ, где главных героев играли И. Смоктуновский, П. Луспекаев, Т. Доронина. Весь мир поверил Прохожему-Арбузову, второстепенному персонажу пьесы, подсмотревшему на берегу Ангары поминки по главному герою пьесы Сергею и рассказавшего миру историю об экипаже шагающего экскаватора и двух работниках прилавка — кассирше Вале и продавщице Ларисе. Сергей утонул в Ангаре, спасая незнакомого мальчика. Все полюбили сказку, рассказанную Прохожим про гадкого утенка Вальку-дешевку, принца в засаленной кепке Сергея Серегина, его друга-соперника Николая и рассудительного бату-короля, начальника экипажа экскаватора Сердюкова Степана Егоровича. Конечно, нельзя требовать документальной подлинности от пьесы о преображающей силе любви, пьесы, где даже дана формула счастья («человеку для счастья надо иметь дело, которое чуточку лучше его самого»). Но, судя по статье «Как была написана «Иркутская история» («Вопросы литературы», 1960, № 10), автор пьесы и статьи А. Арбузов верил в то, что рассказал подлинную историю.

Совсем иначе «Иркутская история» звучит в документальной повести Л. Кокоулина и Ю. Полухина «Табак хороший» про строительство Вилуйских ГЭС. Ее рассказал авторам на берегах Вилуя Иван Меринов, один из членов экипажа экскаватора и соответственно прототип одного из героев пьесы: «На Иркутской ГЭС трагически погиб

машинист большого шагающего экскаватора Виктор Шишкин. Погиб нелепо: ночью ехал на мотоцикле и на большой скорости на ямке его выкинуло из седла. На руках жены Шишкина остались двое детей и старушка-мать экскаваторщика... Рабочие устроили Панну — так звали жену погибшего — к себе слесарем-смазчиком, окружили добрым человеческим вниманием». Пока все почти совпадает с пьесой (Сергей-Виктор, утонул-разбился на мотоцикле, один ребенок или два — детали). Но дальше истории разительно разнятся. Через год Панна вышла замуж вторично. Новый муж героини оказался пьяницей и дебоширом. «Пьянки, прогулы, скандалы, дети раздетые да голодные ходят по чужим людям». В конце концов, Панна с новым мужем уехала в Усть-Орду. «Квартиру государственную она сумела продать, долгов наделала, старшую дочку бросила, пенсию, что за Витю платили, увезла».

А на берегах третьей сибирской реки — Енисея, на Саяно-Шушенской ГЭС третий очевидец рассказал Горину третью «Иркутскую историю»: «Шагающий десятикубовый экскаватор был на Иркутской ГЭС только один. Не спутаешь. Реальному прототипу героя оторвало руку. Прототип с горя запил, пьяненький бродил по стройке и куражился».

Так что и трех очевидцев для установления истины не достаточно. Необходима представительная выборка и отбраковка заведомо недостоверных свидетельств. И еще. Есть у участников-очевидцев «своя собственная гордость», своя «специализация». Строители И. Лукин и А. Серов пишут о строителях, Г. Волков и О. Куваев — о геологах, узники ГУЛАГа — о лагерях. А он, Горин, — «прохожий», на современном жаргоне — «чайник». Чайник может писать обо всем, он не дорожит репутацией.

По мнению своих сыновей, Захар Ильич был дремучим стариканом. Он не отличал дилера от киллера, не понимал профессии дизайнера. Он не любил поп-концерты и ток-шоу. Ему не нравились ни американское кино, ни пепси-кола. А реклама и высокая мода были ему просто неприятны. Он даже не умел водить автомобиля. Но одно из достижений последнего времени он признавал и даже пользовался им. Это персональный компьютер и примыкающий к нему кладезь информации — Интернет. Для получения нужной выборки из генеральной совокупности правд разных людей Горин «скачал» из Интернета сотню (а, может быть, две сотни) опусов о Шаламове и Колыме и кое-что законспектировал. Законспектировал без ссылок на источники. Лишь написанное и сказанное Варламом Шаламовым выделил курсивом. Почему — очевидно: *«Что такое историческая достоверность?... Так каким же записям*

отдать преимущество? Или все опять сводится к единственной правде искусства — правде таланта?» — написал Шаламов в антиромане «Вишера». Не каждому дан талант Шаламова и присваивать его слова как-то неудобно.

После некоторых колебаний Горин «задушил в себе червя сомнения». Говорят, что Господу не столь важны наши поступки, сколь важны наши намерения. Намерения у Горина самые что ни на есть благие: «соединить распавшуюся цепь времен», рассказать о героях не нашего времени, не впадая в крайности.